

Глубоко в поместье Шарлотт

— Быстрее, быстрее!

Иду я, иду, не торопись ты так.

С тех пор как Куки впервые вывел Линлин за пределы поместья Шарлотт, пролетел целый месяц. За это время они выбирались наружу еще раза четыре или пять. Постепенно все перевернулось с ног на голову: теперь девчушка уверенно бежала впереди, увлекая его за собой, а змей то и дело отставал, чувствуя себя неуклюжим балластом.

— Куки, а давай пройдем дальше, в самую глубь? — Линлин, бежавшая впереди, вдруг резко остановилась и обернулась. Идея, которую она озвучила, была не из простых.

На самом деле эта мысль зрела в ее голове давно — первые искры любопытства промелькнули еще во время их прошлых вылазок. Новизна неизбежно теряет свой лоск; даже такое чудо, как буйство зелени, прежде невиданное девочкой, со временем примелькалось и стало казаться однообразным. В ней проснулась жажда неизведанного. Ей отчаянно хотелось узнать, что скрывается под мрачной сенью вековых крон и чем лесная чаща отличается от залитой солнцем опушки.

«Вглубь? Ну уж нет! И думать не смей, это слишком опасно!»

Куки лишь на мгновение заколебался, прежде чем наотрез отвергнуть затею. С тех пор как он принялся усердно осваивать грамоту, первыми прочитанными им книгами стали труды о природе. Все они сходились в одном: дикий лес — место коварное и смертоносное.

Идти туда наобум было бы верхом безрассудства. Кто знает, какие твари там рыщут? Вдруг на них нападет тигр или разъяренный медведь? Нет, соваться туда категорически нельзя.

Рассуждения Куки казались вполне здравыми, вот только он упускал из виду одну крошечную деталь: ни его самого, ни Линлин нельзя было мерить мерками обычных людей. Каким бы свирепым ни был лесной хищник, разве мог он сравниться по опасности с этой парочкой монстров? Да Линлин любого медведя прихлопнула бы одной ладонью, как назойливую муху.

Так что книжной премудрости верить стоило от силы на треть. Авторы этих фолиантов писали свои предостережения для простых смертных, совершенно не допуская мысли, что по лесу могут прогуливаться столь неординарные личности.

— Нельзя? — разочарованно протянула девочка. — Но Линлин так хочется посмотреть!

За время, проведенное вместе, она научилась неплохо понимать язык жестов своего чешуйчатого друга. Сейчас его намерения были ясны как день: змей вытянул хвост и

размашисто начертил на земле жирный крест. Даже дурак бы понял, что это означает категорический отказ.

«Исключено. Даже не проси»

Куки остался глух к ее уговорам. Чтобы окончательно закрепить свою позицию, он еще несколько раз провел кончиком хвоста по нарисованному знаку, сделав крест огромным и глубоким.

— Ну ладно... Линлин будет послушной, — вздохнула малышка.

Видя непреклонность друга, она подавила бурлящее любопытство и постаралась выбросить заманчивые мысли из головы.

«Ладно, поход в чашу подождет. Впереди еще уйма времени, успеем еще там нагуляться»

Заметив, как девочка поникла, Куки немного смягчился и мысленно пошел на попятную. Впрочем, озвучивать эти соображения вслух не имело смысла — Линлин все равно не смогла бы уловить столь сложные логические цепочки. Это было бы просто смешно.

— Куки, хочешь сладостей? Ой, но тут же совсем ничего нет...

Она огляделась по сторонам: кругом росла лишь дикая трава да вековые деревья. Никаких пирожных здесь не водилось.

«Нет, ты слишком много думаешь. Иди лучше поиграй»

Куки уже сбился со счета, сколько раз они проходили через подобные диалоги. К настоящему моменту он научился реагировать на ее гастрономические порывы с абсолютным хладнокровием.

Его золотое правило гласило: не сопротивляйся, сдавайся сразу. Пока у тебя нет сил для бунта, любые попытки бороться с этой стихией — лишь пустая трата времени.

Все то же место, все тот же бесконечный день. Изменилось лишь одно: теперь на лесной опушке не было маленькой девочки — лишь одинокий змей. Наш Куки остался наедине с природой.

Благополучно доставив Линлин обратно в поместье, он незаметно выскользнул назад. Его цель

была проста: провести разведку в таинственной чаще. Нужно было лично убедиться, так ли там опасно на самом деле и можно ли со временем привести туда девушку.

Хотя формально граница поместья Шарлотт сразу переходила в лес, близость человеческого жилья давала о себе знать. В этих краях почти не встречалось диких зверей — лишь бесконечные заросли кустарников да молчаливые деревья.

Но стоило Куки углубиться под зеленый свод, как лес начал оживать. То тут, то там среди травы мелькала мелкая живность. Впрочем, попадались пока исключительно безобидные вегетарианцы: пугливые зайцы, юркие белки да бестолковые косули.

При всей разнице видов, реагировали они на появление незваного гостя совершенно одинаково. Стоило им заметить чешуйчатый силуэт, как они срывались с места и улепетывали во все лопатки, словно увидели выходца с того света. Впрочем, в их глазах этот змей был куда страшнее любого призрака.

Чем дальше он продвигался, тем крупнее становились обитатели чащи. На смену грызунам пришли хищники всех мастей, и былая аура грозного пришельца перестала работать безотказно. Местное зверье начало пробовать чужака на зуб.

Первой рискнула ночная сова. Стремительной тенью она ринулась вниз, намереваясь вонзить когти в чешуйчатую спину, но не успела даже приблизиться — Куки лениво выплюнул струю яда, и пернатая охотница мгновенно испустила дух, рухнув на мох бездыханным комом.

Следом судьбу испытал матерый серый волк. Судя по потрепанной шкуре и бесчисленным шрамам, хищник был уже глубоким стариком. Он бродил в одиночку — скорее всего, молодая свора выставила дряхлеющего вожака вон. Впрочем, его грустная биография Куки не волновала. Важно было лишь одно: старик выбрал змея своей следующей жертвой.

Развязка оказалась быстрой и беспощадной. Обмануть бдительность рептилии старому волку не удалось. Очередной плевок смертоносной жижи оборвал его прыжок на полувздохе. Парализованный ядом зверь рухнул к ногам Куки, и тот без лишней суеты прекратил его мучения.

Два столь наглядных примера мгновенно остудили пыл остальных обитателей леса. Хищники, затаившиеся в тених, быстро взвесили все за и против. Риск явно не стоил возможной награды. Охота на столь ядовитую тварь требовала нечеловеческих усилий, а в случае победы им достался бы лишь тощий кусок змеятины, которым и зубы-то не почиштишь. Звериная логика возобладала, и лесные убийцы один за другим бесшумно отступили назад в полумрак.

Избавившись от назойливых преследователей, Куки вздохнул с облегчением. Теперь он мог без лишней спешки продолжить свой путь в неизведанное.

С каждым извивом чешуйчатого тела окружающий пейзаж становился все живописнее.

Вековые исполины расступались, уступая место коврам из диких цветов и изумрудного мха. И вдруг Куки уловил едва заметное, но такое знакомое дуновение. Это была прохлада — чистая, живительная прохлада настоящей воды!

Доверившись инстинктам, он устремился навстречу этому зову. Чем глубже он проникал, тем отчетливее становилось это чувство, а вскоре сквозь шелест листвы пробился едва различимый, ласкающий слух ропот бегущей влаги.

Преодолев последнее препятствие в виде густого сплетения папоротников и колючих кустов, змей замер. Перед его взором раскинулось лесное озеро, притаившееся в самом сердце древней чащи.

Куки заворуженно смотрел на водную гладь, не в силах пошевелиться. Как же давно он не созерцал подобного великолепия! Озеро казалось сошедшим со страниц древних сказок — нетронутое, сияющее в лучах пробивающегося солнца, словно драгоценный сапфир.

Здесь стоит вспомнить, что по своей истинной природе Куки был духом, а змеиное обличье являлось лишь его земным воплощением. Как дитя стихий, он с рождения повелевал двумя первоосновами: смертоносным ядом и животворной водой.

Запертый в границах поместья Шарлотт, он годами не видел первозданных, чистых водоемов. Из-за этого Куки почти позабыл о своей второй ипостаси, искренне полагая, что его удел — лишь токсичные испарения и ядовитые клыки.

И вот теперь, глядя на хрустальное зеркало озера, змей затрепетал от восторга. Его переполняли те же чувства, что испытывала Линлин при виде горы изысканных сладостей — чистая, первобытная радость, которую невозможно облечь в слова.

«Обычно в моменты крайнего душевного подъема полагается съесть что-нибудь сладкое, чтобы унять дрожь предвкушения»

Но поскольку кондитерских лавок посреди глухой чащи не наблюдалось, пришлось довольствоваться малым. Куки решил принести себя в жертву обстоятельствам и совершить заплыв в этих прохладных водах. Исключительно ради восстановления душевного равновесия, разумеется.